

МАРАКОТОВА
БЕЗДНА

I

Так как эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении паровой яхты «Стратфорд», которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения жизни морских бездн. Организовал экспедицию Маракот, доктор географических наук, знаменитый автор «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных». Доктора Маракота сопровождал мистер Сайрес Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Судно вел капитан Хови, опытный моряк. Команда состояла из двадцати трех человек, в их числе американец — механик с завода «Мерибэнкс» в Филадельфии.

Все они — и команда, и пассажиры — исчезли без следа, и единственным воспоминанием о «Стратфорде» было донесение одного норвежского барка, который встретил корабль, вполне подходивший к приметам погибшего судна, и видел, как он пошел ко дну во время сильной бури осенью 1926 года. Позже по соседству с местом, где разыгралась трагедия,

был найден спасательный ялик с надписью «Стратфорд»; там же плавали решетки, сорванные с палубы, спасательный буюк и части спардека. Все это вместе с отсутствием каких-либо сведений о корабле создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о нем, ни о его команде. Еще больше подтвердила эту уверенность случайно перехваченная в то время странная радиogramма, не совсем понятная, но не оставляющая сомнений в трагической судьбе парохода. Текст радиogramмы я приведу позже.

В свое время в подготовке экспедиции были отмечены некоторые особенности. Прежде всего, необычайная таинственность, которой окружал экспедицию профессор Маракот. Он был известен как ярый враг всякой гласности, враг газетной шумихи, и эта его черта особенно ярко проявилась в том, что он отказался давать интервью и не допустил представителей печати на судно, когда «Стратфорд» еще стоял в доке Альберта. За границей ходили слухи об установленных на корабле новых оригинальных приспособлениях, предназначенных для исследования жизни на больших глубинах, и эти слухи были подтверждены правлением заводов «Хэнтер и компания» в Вест-Хартлпуле, где конструировались и строились эти аппараты. Утверждали, что все днище корабля может отделяться, и это обстоятельство привлекло особое внимание страховой компании, которую с большим трудом удалось успокоить. Вскоре обо всем этом забыли, но теперь, когда новое неожиданное обстоятельство заставило всех вспомнить о судьбе исчезнувшей экспедиции, это приобрело особый интерес.

Таковы обстоятельства, сопровождавшие отплытие «Стратфорда». В настоящее время существует четыре документа, относящиеся к этой экспедиции.

Первый из них — письмо, написанное мистером Сайресом Хедли из Санта-Круса, столицы Больших Канарских островов, его другу сэру Джеймсу Толботу из оксфордского Тринити-колледжа, которое было отправлено во время единственного известного нам после отплытия пребывания «Стратфорда» в гавани.

Второй — странный призыв по радио, о котором я упоминал. Третий — та часть судового дневника «Арабеллы Ноулз», где говорится о стеклянном шаре. Четвертый и последний — удивительное содержание шара, которое является либо злой и непонятной мистификацией, либо открывает новую главу человеческих достижений, важность и значение которых трудно преувеличить. Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в мое распоряжение сэром Джеймсом Толботом и до сего времени еще не опубликованное. Оно датировано 1 октября 1926 года.

«Посылаю вам это письмо, дорогой Толбот, из Санта-Круса, где мы остановились на отдых на несколько дней. На корабле почти все время я проводил с Биллом Сканленом, главным механиком; мой земляк, у него удивительно общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. Но нынче утром я один: он отправился на берег, у него, как он выражается, „свидание с девчонкой“. Разговаривает он именно так, как, по мнению англичанина, должны разговаривать настоящие американцы.

Вы встречали Маракота и знаете, какой он сухарь. Я вам, кажется, рассказывал, как он пригласил меня к себе работать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервиллю из Зоологического института. Сомервиль послал ему мою премированную работу о морских крабах, и это решило дело. Разумеется, великолепно, когда можно работать по специальности, но я предпочел бы сотрудничать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так стремится к уединению, так поглощен своим делом, что в этом есть что-то нечеловеческое. „Самый черствый сухарь на свете“, — выразился про него Билл Сканлэн. И однако, нельзя не преклоняться перед таким ученым. Для него ничего не существует, кроме его науки. Помню, как вы смеялись, когда я попросил его порекомендовать мне литературу для подготовки к плаванию, а он ответил, что в качестве серьезного пособия следует прочесть полное собрание его сочинений, а в качестве легкого чтения — геккелевские „Планктонные работы“¹.

Я знаю его сейчас не ближе, чем тогда, в маленькой приемной с видом на Оксфорд-Хэй. Он ничего не говорит, и его худощавое, суровое лицо — лицо Савонаролы² или, вернее, Торквемады³ — никогда

---

¹ «О планктоне» — название одной из монографий Эрнста Геккеля (1834–1919) — немецкого естествоиспытателя, видного последователя учения Чарльза Дарвина.

² *Джироламо Савонарола* (1452–1498) — итальянский проповедник-реформатор, изобличавший распущенность духовенства, тиранию Медичи, создатель Флорентийской республики. Когда сторонники его были разбиты папистами, его обвинили в ереси и сожгли.

³ *Томасо Торквемада* (1420–1498) — глава испанской инквизиции, первый Великий инквизитор.

не озаряется улыбкой. Длинный, тонкий, выдающийся вперед нос, близко посаженные маленькие серые сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щеки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни, — вся его внешность не располагает к сближению. Он витает всегда где-то на вершинах мысли, вне пределов, достигаемых обыкновенными смертными. Временами мне кажется, что он не вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат... Но буду рассказывать по порядку, а вы уж сами разберетесь.

Итак, о начале нашего плаванья. „Стратфорд“ — превосходная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями: мощные паровые лебедки, ворота для траления, а также множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью новых; комфортабельные каюты и прекрасную лабораторию, оборудованную специально для наших исследований.

Еще до отплытия „Стратфорд“ приобрел репутацию загадочного корабля, и вскоре я понял, что эти слухи имели под собой почву. Начало нашего плаванья было в достаточной степени обыкновенно. Мы направились в Северное море, раза два забрасывали тралы, но так как там глубина редко превышает восемнадцать метров, а наш корабль обо-

рудован специально для глубоководных работ, это, в сущности, было пустой тратой времени. Во всяком случае, кроме обычных видов рыб, идущих в пищу, каракатиц, слизняков и проб со дна морского, состоящих из аллювиальной глины, мы не вытащили ничего примечательного. Потом мы обогнули Шотландию, прошли вблизи островов Фаро и добрались до рифа Вивилль-Томсон, где добыча была несколько интереснее. Затем мы направились к югу, к конечному пункту нашего путешествия, расположенному между Африкой и Канарскими островами. Однажды безлунной ночью мы чуть не сели на мель, в остальном же плавание наше протекало без всяких событий.

В эти первые недели я пытался сойтись поближе с Маракотом, но это оказалось делом нелегким. Начать с того, что доктор — самый рассеянный и самоуглубленный человек на свете. Помните, как он дал мальчику-лифтеру пенни, полагая, что сел в трамвай? Полдня он проводит в размышлениях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Кроме того, он невероятно скрытен. Он целыми днями просиживает над бумагами и картами, но стоит мне войти в каюту, как он тут же их прячет. Я твердо уверен, что он что-то замыслил, но до тех пор, пока мы вынуждены проходить вблизи портов, не откроет нам своих планов. Таково мое впечатление, и вскоре я узнал, что Билл Скэнлэн держится того же мнения.

— Слушайте, мистер Хедли, — сказал он как-то вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя ре-

зультаты наших первых уловов, — как вы думаете, что на уме у нашего старика? Как по-вашему, что он такое затевает?

— Полагаю, — ответил я, — что мы займемся тем же, чем занимался до нас „Челленджер“ и добрая дюжина других океанографических экспедиций, — откроем несколько новых разновидностей рыб, нанесем несколько новых данных на гидрометрические карты.

— Ничего подобного, — возразил Скэнлэн. — Начинайте-ка гадать сначала. Ну, например, я-то здесь на что?

— Ну... на случай, если испортятся машины.

— Как бы не так! Какие там машины! Машина „Стратфорда“ на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибэнкские ребята посылали лучшего своего механика, чтобы он чинил эти дурацкие керосинки. Недаром же мне гонят полсотни долларов в неделю. Шагайте за мной, я вас просвещу на этот счет.

Он вытащил ключ, отпер дверь позади лаборатории и повел меня по двойной лестнице в отделение трюма, где было почти пусто; только четыре какие-то крупные машинные части поблескивали в массивных ящиках, упакованные в солому. Это были гладкие стальные плиты, снабженные по краям болтами и задвижками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма полтора, с круглым отверстием в середине дюймов восемнадцати диаметром.

— Что это за чертовщина? — спросил я.

Забавная физиономия Билла Сканлэна — у него лицо не то опереточного комика, не то боксера — расплылась в улыбке.

— Это мой малютка, сэр, — заявил он. — Да, мистер Хедли, из-за него-то я здесь и нахожусь. К этой штуке есть еще такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Потом есть еще крышка вроде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище яхты.

Я увидел квадратную деревянную платформу с винтами по углам. Это доказывало, что платформе можно сдвигать с места.

— Двойное дно, — подтвердил Сканлэн. — Вполне возможно, что наш хозяин спятил, а может, он соображает гораздо лучше, чем мы думаем, но, если только я его раскусил, он хочет соорудить нечто вроде водолазного колокола — окна вот здесь, запакованы отдельно — и спустить его вниз через дно яхты. Вот электрические прожекторы, и, я так думаю, он хочет осветить пространство вокруг стальной кабинки и через круглые амбразуры наблюдать, что кругом творится.

— Будь это так, проще было бы устроить на корабле прозрачное дно, — сказал я.

— Это вы верно смекнули, — согласился Билл Сканлэн и поскреб затылок. — Вот я и не могу никак сообразить, в чем тут дело. Знаю только, что меня отрядили к нему помогать собирать эту дурацкую штуку. Пока он ничего еще не говорил, я тоже молчу, но все приноживаюсь, и, ежели он еще долго будет молчать, я и сам все узнаю.

Так я впервые соприкоснулся с нашей тайной. Погода сильно испортилась, но мы производили глубоководное траление юго-западнее мыса Юба, отмечая температуру и исследуя степень насыщенности морской воды солью. Глубоководное траление петерсоновским тралом — занятие увлекательное, он захватывает сразу три метра в ширину и загребаёт все, что встречается на пути; опускаясь на глубину в четверть мили, он приносит одни породы рыб, с глубины в полмили — совсем другие: в разных слоях океана, как на разных материках, свои обитатели. Иногда с самого дна мы вытаскивали полтонны чистой розовой слизи, этого сырого материала будущей жизни. Иногда это бывал ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделенных между собой прослойками аморфной грязи. Я не стану перечислять вам этих бротулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что дары океана неисчислимы, и мы усердно их собирали. И все время я не мог избавиться от ощущения, что не затем привез нас сюда Маракот, что в этом сухом, узком черепе египетской мумии скрываются другие планы. Мне казалось, что это лишь репетиция, проба людей и аппаратов, за которой начнется настоящее дело.

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег пройти, ибо завтра рано утром мы отплывем. Я оказался на пристани весьма кстати, потому что разыгрался серьезный скандал, причем в главных ролях выступали Маракот и Билл Скэнлэн. Билл — известный задира, и, по его выражению,

у него часто *кулаки чешутся*, но, когда вокруг столпилось с полдюжины испанцев, и все с ножами, положение моих спутников стало незавидным; было самое время вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые здесь называют пролетками, объехал пол-острова, обследуя его геологические особенности, но совершенно забыл, что не захватил денег, и извозчик стал отнимать у него часы. Тут за него вступился Билл Сканлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дела, дав доллар извозчику и пять долларов парню с подбитым глазом. Все сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружили человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и поблагодарил за вмешательство.

— Да, кстати, мистер Хедли, — заметил он. — Насколько мне известно, вы не женаты?

— Нет, — ответил я.

— И на вашем попечении нет никого из близких?

— Нет.

— Прекрасно, — сказал он. — Я молчал пока о своих намерениях: у меня были причины держать их в тайне. Прежде всего я боялся, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие — как Амундсен осуществил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранит свое намерение в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Мой замысел так же смел и велик, потому я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к его осуществлению, и ни-

какой соперник не успеет опередить меня. Завтра мы поплывем к нашей настоящей цели.

— Какая же это цель? — спросил я.

Он весь подался вперед, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

— Наша цель, — сказал он, — дно Атлантического океана!

Здесь я должен остановиться, ибо думаю, что у вас, как и у меня, захватило дыхание. Будь я писателем, тут бы я, наверно, и закончил свой рассказ. Но так как я всего лишь летописец, то могу добавить, что пробыл еще час в каюте Маракота и узнал много подробностей, которые успею передать вам, пока не отчалит последняя береговая шлюпка.

— Да, молодой человек! — сказал он. — Теперь вы можете писать что угодно. Когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже нырнем.

Он усмехнулся. Он был не лишен некоторого суховатого юмора.

— Да, сэр, „нырнем“. Это самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок войдет в историю науки. Я твердо убежден, что ходячее мнение об огромном давлении океана на больших глубинах лишено оснований. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие, хотя пока я еще не сумею сказать какие. Именно это одна из тех задач, которые мы должны решить. Как вы полагаете, каково давление воды на глубине одной мили?

Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

— Не менее одной тонны на квадратный дюйм, — ответил я. — Это доказано.

— Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите-ка мозгами, молодой человек! Весь последний месяц вы вылавливали самые нежные глубоководные формы жизни — существа столь нежные, что вам еле-еле удавалось перенести их из сетки в банку, не повредив их чувствительных покровов. Что же, это подтверждает существование чрезвычайного давления?

— Давление уравнивалось, — ответил я. — Оно одинаково изнутри и снаружи.

— Пустые слова! — крикнул Маракот, нетерпеливо дернув головой. — Вы вытаскивали круглых рыб, как, например, *gastrostomus globulus*. Разве их не расплющило бы в лепешку, если бы давление было таково, как вы полагаете? Или же посмотрите на наши глубинные тралы. Ведь они не сплюсциваются даже на самых больших глубинах.

— Но опыт водолазов...

— Конечно, его следует учитывать. Они действительно замечают увеличение давления, испытывая его действие на самый, пожалуй, чувствительный орган тела — внутреннее ухо¹. Но по моим предположениям, мы совершенно не будем подвер-

---

¹ У млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода; среднее ухо, или барабанную перепонку; и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами и улиткой. Внутреннее ухо содержит в себе окончание слухового нерва.

гаться давлению. Нас опустят вниз в стальной клетке с толстыми хрустальными окнами для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закаленной двухромоникелевой стали, оно не повредит нам. Мы продолжим эксперимент братьев Уильямсон в Насау, с которым вы, наверно, знакомы. Если мой расчет ошибочен — ну что ж, вы говорите, от вас никто не зависит... Мы умрем во время великого опыта. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось, что это самый безумный из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказать от вызова. Я решил оттянуть время для решения.

— На какую глубину вы намерены опуститься, сэр? — спросил я.

Над его столом была приколотая карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

— В прошлом году я зондировал эти места, — сказал он. — Там есть очень глубокая впадина. Семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, в будущем вы найдете ее на картах под названием Маракотова бездна.

— Неужто вы собираетесь спуститься в эту бездну, сэр? — воскликнул я.

— Нет, нет, — с улыбкой ответил Маракот. — Ни наша спускная цепь, ни трубки для воздуха не достигают больше полумили! Но я хотел объяснить вам, что вокруг этой глубокой впадины, которая,

несомненно, была образована вулканическими силами, находится приподнятый хребет или узкое плато, которое лежит на глубине трехсот фатомов¹.

— Трехсот фатомов? Треть мили! — воскликнул я.

— Да, примерно треть мили. Я хочу, чтобы нас спустили в маленькой наблюдательной кабине именно на это плато. Там мы сделаем все возможные наблюдения. С судном нас будет соединять разговорная трубка, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений. Когда захотим, чтобы нас подняли, достаточно будет лишь сказать об этом в трубку.

— А воздух?

— Будет накачиваться к нам вниз.

— Но ведь там будет совершенно темно!

— Боюсь, что да. Опыты Фоля и Сарасена на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но какое это имеет значение? Мы будем снабжены мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами Хэллесена, соединенными между собой, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Вместе с сигнальной лампой Люка военного образца в качестве подвижного рефлектора нам этого вполне хватит. Что еще вас смущает?

— А если наши воздушные трубки запутаются?

— Не запутаются! А на всякий случай у нас есть сжатый воздух, которого нам хватит на сутки. Ну

---

¹ Фатом равен 1,82 м.

как, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы? — спросил Маракот.

Решение предстояло нелегкое. Мозг мой быстро работал, а воображение — еще того быстрее. Я уже явственно представлял себе этот черный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спертый воздух, видел, как гнутся стены камеры, как вода разрывает их в местах скрепления и проникает во все щели и трещины, которые все расширяются... Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял взгляд: огненные глаза старика были устремлены на меня и в них светилось воодушевление мученика науки. Энтузиазм такого рода заразителен, и если это — безумие, то по крайней мере благородное и бескорыстное. Пламя его перекинулось на меня, я вскочил и протянул ему руку.

— Доктор, я с вами до конца! — воскликнул я.

— Я так и знал, — ответил он. — Я вас выбирал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, — улыбаясь, добавил он, — а также и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые могут оказаться для нас куда важнее. Это верность и мужество.

Поймав меня таким образом на кусок сахара, он отпустил меня. И все мои планы на будущее рассыпались в прах. Ну, вот сейчас отвалит последняя береговая шлюпка! Спрашивают, нет ли писем на берег. Вы или никогда уже больше не услышите обо мне, мой дорогой Толбот, или получите письмо, стоящее того, чтобы его прочитать. Если от меня не будет вестей, можете зафрахтовать плавучий над-

Дойл А. К.

Д 62 Маракотова бездна : роман, рассказы / Артур Конан Дойл ; пер. с англ. В. Воронина, П. Гелевы, Б. Грибанова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-24355-2

Артур Конан Дойл (1859–1930) — крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права — известен всему миру как непревзойденный мастер детективного и приключенческого жанров. Разнообразные герои, рожденные его пером, обрели поистине грандиозную известность по всей планете: это и сыщик Шерлок Холмс со своим верным спутником доктором Ватсоном, это и неутомимый герой Наполеоновских войн бригадир Жерар, и английский рыцарь сэра Найджел Лоринг, и многие, многие другие. В настоящее издание вошел один из самых известных романов Конан Дойла «Маракотова бездна» (захватывающая история об экспедиции под руководством профессора Маракота, решившего исследовать дно глубочайшей океанской впадины и обнаружившего там удивительный мир), а также избранные морские рассказы.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректор Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 16.01.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-AMC-33318-01-R